

Сяо Чэн быстро затряс головой. Он и так боялся Чжоу Цзыцяня, а после таких слов, которые звучали как легкий, но весомый укор, у него даже выступил холодный пот. Работа в семье Чжоу была непростой, и хотя Сяо Чэн всегда старался избегать ошибок, за последние пять лет он все же совершил немало промахов, иногда по неосторожности, иногда по необходимости. Самыми серьезными были сокрытие протivoестественной связи между двумя молодыми господами и недосмотр, косвенно приведший к похищению одного из них. Эти два проступка, хоть их и было всего два, были слишком серьезными. Хотя Чжоу Цзыцянь, учитывая его пятилетнюю преданную заботу о молодом господине, позволил ему уйти без последствий, это не значило, что он мог теперь позволить себе быть беспечным. Если после ухода он скажет что-то лишнее или сделает что-то не то, то для семьи Чжоу было бы достаточно одного слова, чтобы лишить его семьи покоя. Более того, он еще не ушел, и в такой момент разозлить Чжоу Цзыцяня могло означать, что даже просто уйти станет невозможным.

— Хорошо, что ты понимаешь. Я лишь хотел сказать, что боюсь, как бы ты, торопясь уволиться, не потерял голову.

Чжоу Цзыцянь делал это намеренно. Он хотел, чтобы Сяо Чэн боялся, чтобы у него не хватило смелости скрыть хоть что-то о своем племяннике. Увидев, что реакция Сяо Чэна соответствует его ожиданиям, Чжоу Цзыцянь перешел к сути.

— Вспомни, с кем Юньси недавно общался. Было ли что-то необычное?

На самом деле Чжоу Цзыцянь не слышал, как Е Тао звонил, но, когда он вошел в палату, тот на мгновение замер, что было реакцией на неожиданность. Если бы Е Тао не быстро пришел в себя и не скрыл это, Чжоу Цзыцянь, возможно, не придавал бы этому значения. Но его способность быстро реагировать и лгать так правдоподобно лишь подчеркивала неестественность, создавая впечатление, что он что-то скрывает. Конечно, одного этого маленького намека было недостаточно, чтобы Чжоу Цзыцянь начал расследование. Он сделал это, потому что вдруг понял, что с какого-то момента перестал понимать ребенка, которого сам вырастил.

Любой человек или событие не выдерживают пристального рассмотрения. Е Тао и Чжоу Юньси были совершенно разными людьми, и даже если внешне это было незаметно, и Е Тао за последний год старался сгладить их различия, постепенно убеждая семью Чжоу, что изменения в Юньси связаны с взрослением, фундаментальные различия невозможно полностью скрыть. Как, например, в случае с похищением: Е Тао на самом деле не был так спокоен, как казалось. Его хладнокровие было попыткой успокоить Чжоу Цзыцяня, не добавляя ему стресса в такой сложной ситуации. Именно из этих соображений, или, возможно, из-за невысказанных чувств к Чжоу Цзыцяню, Е Тао проявил свою истинную натуру.

Когда они оказались в безопасности, и у Чжоу Цзыцяня появилось время подумать, необычное спокойствие Е Тао во время похищения стало поводом для размышлений. Мелкие детали, которые раньше не привлекали внимания, теперь всплывали в памяти. Хотя их было недостаточно, чтобы Чжоу Цзыцянь осознал, что его племянник стал другим человеком, это заставило его понять, что изменения в Юньси вышли за рамки обычного взросления.

Сяо Чэн не знал о размышлениях и подозрениях Чжоу Цзыцяня. Он подумал, что тот просил проверить звонки, потому что подозревал, что молодой господин тайно связался с Чжоу Юньсяном, чего Чжоу Цзыцянь не мог допустить. Сяо Чэн долго думал, прежде чем осторожно ответить:

— Молодой господин нуждается в постоянном уходе, я почти круглосуточно нахожусь в палате.

Когда он идет на обследование, я иду с ним. Я не заметил, чтобы он с кем-то связывался, и ничего необычного не происходило.

Сяо Чэн был очень внимательным человеком, и если он говорил, что ничего не заметил, то, скорее всего, так и было.

Чжоу Цзыцянь опустил взгляд, поддерживая правую руку левой, и начал медленно тереть губу большим пальцем. Это был его привычный жест, когда он думал. Сяо Чэн, понимая ситуацию, замолчал, не издавая ни звука.

Через некоторое время Чжоу Цзыцянь поднял глаза, чтобы что-то сказать, но Сяо Чэн, слишком напряженный, резко сжал плечи, словно испуганный зверь.

— Ладно, хватит об этом.

Чжоу Цзыцянь опустил руку и засунул ее в карман. Хотя его выражение лица не изменилось, давление, исходившее от него, немного ослабло.

— Расскажи, как тебе работалось в семье Чжоу за эти годы. Я помню, когда ты только пришел, ты совсем не мог привыкнуть, и тебя часто обижали.

Сяо Чэн тихо вздохнул, вытер вспотевшие волосы рукавом и ответил:

— Это не было настоящей обидой. Просто я сам был неопытен. После того как я провалил экзамены, меня порекомендовали в семью Чжоу. Тогда я был слишком молод, не имел опыта работы, и все делал неуклюже. Спасибо молодому господину, который не смотрел на это свысока, и дядюшка Чжоу перевел меня из кухни во внутренний двор.

Чжоу Цзыцянь слегка улыбнулся, в его голосе прозвучала легкая ирония:

— Он не смотрел свысока, просто издевался над тобой больше, чем на кухне.

— Это не так серьезно, как вы говорите. Молодой господин просто немного капризен, когда у него плохое настроение, он может немного пошуметь, но это быстро проходит.

— А сейчас? Мне кажется, он стал спокойнее. Или он просто притворяется таким передо мной?

Чжоу Цзыцянь засунул одну руку в карман, его тон был спокойным, но в нем чувствовалась легкая заинтересованность.

— Когда меня нет, он все еще такой же капризный, как раньше?

— Нет, молодой господин стал гораздо более уравновешенным.

Сяо Чэн расслабился, перестал быть настороже и говорил с осторожностью, но без преувеличений.

— Может быть, чтение сутр успокаивает. С тех пор как он начал читать сутры, он редко выходит из себя, даже не разбил ни одной чашки с лекарством.

Е Тао не только слушал и читал сутры, но и за последний год переписал множество священных текстов, как будто незаметно превратил это занятие в веру. Но Чжоу Цзыцянь не был верующим, и даже если он принимал идею, что буддизм может успокоить, он не верил, что несколько сутр могли превратить его избалованного племянника в такого человека, каким он

стал сейчас.

Увидев, что Чжоу Цзыцянь молчит, Сяо Чэн подумал, что тот взвешивает, не пытается ли он приукрасить ситуацию, и добавил:

— Молодой господин не притворяется перед вами. Когда вас нет, он тоже ведет себя тихо. Если только не приходит господин Гуань или вы не берете его на прогулку, он даже не выходит из внутреннего двора.

— Тихой?

Чжоу Цзыцянь счел это преувеличением.

— В прошлый раз, когда я был в командировке, он даже уехал за город.

— Вы говорите о поездке в храм Лежащего Будды? Молодой господин пошел туда, чтобы зажечь благовония и забрать четки, которые отдал на освящение. Он сразу же вернулся домой, не задерживаясь.

Услышав это, Чжоу Цзыцянь невольно коснулся четок из семян «Глаз феникса» на своем запястье. Это были четки, которые его племянник привез из той поездки, подарок на день рождения. Когда он получил их, то с улыбкой сказал, что подарок слишком скромный, но племянник не расстроился, лишь спокойно ответил:

— Носи их. Я зажег благовония и загадал желание, чтобы ты был здоров всю жизнь.

Чжоу Цзыцянь не верил в сверхъестественное, но, услышав эти слова, его холодное сердце дрогнуло. Это не было дешевым умилением, это было скорее чувство, будто давно запечатанная коробка немного приоткрылась, и теплые чувства просочились внутрь, медленно растворяя все, что было заморожено для самозащиты. Казалось, именно с этого момента, когда его племянник снова болел и лежал в постели, он больше не чувствовал бессилия из-за его слабого здоровья, а желал взять на себя его страдания.

Шаги прервали ход мыслей Чжоу Цзыцяня. Охранник подошел и протянул конверт:

— Господин Чжоу, медсестра принесла это письмо. Его оставил на стойке какой-то мужчина средних лет.

Конверт был немного тяжеловатым, и на нем крупными размашистыми иероглифами было написано: «Чжоу Юньси». Чжоу Цзыцянь, слегка сжав конверт, сразу понял, что внутри. Открыв его, он увидел буддийские четки из алойного дерева, которые Е Тао потерял во время похищения.

— Как быстро они нашли.

Не знаю, почему текст становится всё более «сладким». Над этой историей я тяну слишком долго, уже не чувствую того настроения, что было в начале (смущённое лицо). Могу лишь гарантировать, что сюжет останется прежним, а образы персонажей не разрушатся (если, конечно, вы считаете, что они ещё не рухнули). Что касается деталей и стиля, пишу как получается. Иду на ощупь, а вы идёте за мной. Обещайте мне, продолжайте любить меня и не отставайте, хорошо?

<http://bllate.org/book/17687/1650231>